

Е. С. Данилов, В. В. Куликов

СПОРНОЕ НАСЛЕДСТВО РИМСКОЙ ИМПЕРИИ: «SECURITAS PUBLICA» В БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Статья посвящена вопросу о рецепции древнеримского понятия «*securitas*» в английской общественно-политической мысли. Дан краткий обзор эволюции представлений о безопасности в имперском Риме. Приведены отдельные примеры использования указанного концепта в британском государственном законодательстве, пропаганде, философских теориях. Уделено внимание содержательной наполняемости лексемы «*security*». Авторы считают, что консервации римского представления о безопасности и закреплению его сакрального компонента на английской почве способствовало христианское учение. Средневековые писатели-правоведы неоднократно возвращались к античной мысли о том, что благополучие правителя является главным условием общественной безопасности. Постепенно акцент данной идеи смещается в сторону взаимной ответственности гражданского коллектива и государственной власти, приобретает юридическое оформление, дополняется гарантиями неприкосновенности чести, личности и имущества. Образ древней средиземноморской империи повлиял на складывание национальных стратегий безопасности. Великобритания Нового и новейшего времени прошла путь от стремления защититься и распространить свое влияние (посредством сильного флота и разветвленных торговых связей) к убежденности в необходимости «общего урегулирования» ради безопасного глобального мира. Библиогр. 52 назв.

Ключевые слова: политическая культура, Римская империя, *securitas publica*, Великобритания, *public security*.

E. S. Danilov, V. V. Kulikov

THE DISPUTABLE HERITAGE OF THE ROMAN EMPIRE: “SECURITAS PUBLICA” IN THE BRITISH POLITICAL CULTURE

The article describes the issue of the Roman concept “*securitas*” in English social and political thinking. A brief resume of the evolution of some security ideas in imperial Rome is represented. Some examples of the use of the concept in British state legislation, propaganda, philosophical theories are given. The content of the word “*security*” is under attention of the authors. The authors suppose that the Christian doctrine helped to preserve and to keep the Roman conception of security and its sacred component in England. Medieval lawyers have repeatedly returned to the ancient idea that the wealth of the ruler is the main condition of people’s safety. Gradually, the focus of this idea is moving towards mutual accountability of society and government, it acquires legal registration, and it gets the guarantees of inviolability of honour, personality and property. The image of the ancient Mediterranean empire influenced national security strategies. Britain of Early Modern and Contemporary history has passed the way from the desire to protect itself and to extend its influence (through its strong navy and large trade relations) to the conviction that there is need of the “general settlement” for the security of the world peace. Refs 52.

Keywords: Political culture, Roman Empire, *securitas publica*, Great Britain, *public security*.

Римская империя на протяжении всей постримской истории являлась важной составной частью фона развития европейской цивилизации. Идея Римской империи постоянно возрождалась в эпоху Средневековья [1]. Основатель государства

Данилов Евгений Сергеевич — кандидат исторических наук, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Российская Федерация, 150000, Ярославль, ул. Советская, 14; explorator@list.ru

Куликов Виктор Викторович — кандидат исторических наук, доцент, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Российская Федерация, 150000, Ярославль, ул. Советская, 14; victorvictorovichkulikov@gmail.com

Danilov Evgeny S. — Candidate of History, Yaroslavl State University named after P. G. Demidov, Russian Federation, 150000, Yaroslavl, Sovetskaya street, 14, explorator@list.ru

Kulikov Victor V. — Candidate of History, Assistant Professor, Yaroslavl State University named after P. G. Demidov, Russian Federation, 150000, Yaroslavl, Sovetskaya street, 14, victorvictorovichkulikov@gmail.com

остготов в Италии, Теодорих Великий, принял в качестве королевского титула родовое имя двух императорских династий Флавиев — Flavius Theodericus rex [2, S. 286]. Карл Великий в 800 г. был провозглашен римским императором [3]. Такой же титул носили германские короли, а само Германское королевство с 962 г. называлось Римской империей [4, S. 78]. Наконец, англосаксонская традиция также не исключала соответствующие эпитеты: Basileus Britanniae и Augustus Albionis imperator [5, p. 48].

Восприятие римского наследия касалось не только титулатуры. В западной цивилизации четко различим устойчивый набор представлений и ценностей, составляющих основу европейской самоидентификации (*libertas, virtus, pax, pietas, iustitia, fides, securitas*). Они выступали в качестве монарших добродетелей [6, с. 63; 7, с. 161, 194], служили христианскими ориентирами [8, с. 230, 233], становились политическими идеалами¹ и, так или иначе, целью земного существования. Репрезентация указанных ценностей (лозунгов) в монетных знаках, эпитафических памятниках и литературных сочинениях может показаться лишь частью риторической культуры, данью моде. Вместе с тем универсальность делает их вневременным элементом гражданского сознания и государственной идеологии многих стран и народов. Отметим также, что существует ряд проблем методологического характера, которые невозможно не учитывать. Четко выделяются два момента. Во-первых, не стоит забывать о полисемии древней этической терминологии. Во-вторых, представляется очевидным, что авторы постантической эпохи достраивали теоретический каркас какой-то одной или нескольких коннотаций упомянутых лексем. Подобные «построения», безусловно, обогащали мировую культуру, но уводили мыслителей от собственно греко-римского понимания того или иного концепта. В итоге, применительно к Новому и новейшему времени, приходится говорить об отдаленных параллелях, аналогиях и сравнениях. Классическое наследие окончательно утеряно не было, но оно настолько трансформировалось, обросло позднейшими наслоениями, приобрело региональную специфику, что о прямой аксиологической связи говорить можно только с крайней осторожностью. Поэтому возможные выводы о заимствовании и усвоении коренных воззрений традиционной культуры могут показаться небесспорными.

Остановимся на одном из самых популярных лозунгов периода поздней античности — *securitas publica* (общественная безопасность), и рассмотрим его в контексте британской общественной мысли от истоков до наших дней. В первую очередь необходимо вкратце описать саму суть концепта «*securitas*» во времена античного Рима. Понятие «*securitas*», как нам кажется, имело глубокие корни в римском менталитете. Для любого гражданина постоянная и нерушимая безопасность (*solida et inconcussa securitas*) являлась синонимом освобождения от страха потерять свою жизнь и имущество (*Vell. Pat.* II. 89. 4; *Sen. De benef.* VI. 28). Хотя находиться в смертельной опасности (*periclitor capitis*) было обычным делом для римского воина, все же храбрость (*fortitudo*) соединялась в нем с трезвым расчетом и осмотрительностью (*Joseph. B. J. V. 7. 3; Polyæn. VIII. 24. 4; Dio Cass. LXVIII. 14. 1*). На государственном уровне предметом всеобщих желаний было установление общественного правопорядка — *securitas publica* (*Tac. Agr.* 3). Душевное спокойствие (*SHA. Hadr. VII. 6*), обеспеченность (*Plin. Ep. X. 111*) и безопасность римских граждан, сконцентрированные в понятии *securitas*, могли быть достигнуты при поддержании на должном уровне внутренней стабильности и оборонной мощи *pax Romana* (*App. Prooem. 7; Dio Cass. LII. 28. 1*).

¹ В частности, о средневековой трактовке античной идеи «*bellum iustum*» см.: [9, с. 19–27].

Securitas как универсальная ценность в период Республики не почиталась в чистом виде: мы не находим ни храмов, ни статуй, ни надписей в честь персонифицированной Безопасности². Вероятно, безопасность являлась частью других коллективных понятий³. Наиболее характерна ее антагонистическая связь со свободой. В период принципата securitas вычленяется из libertas и пытается ее «заменить»⁴. Установление принципата было вынужденной мерой, осуществленной в целях безопасности и общественного спокойствия после смут республиканского времени [18, с. 339]. Второе поколение после гражданских войн и битвы при Акции имело совсем иное представление о свободе, чем республиканцы старой закалки (*Tac. Ann.* I. 3. 7). Под «свободой» теперь понимали безопасную мирную жизнь, а не возможность политического самовыражения [19, с. 204]. У римлян времен империи понятие *securitas* олицетворяло общественную и личную безопасность, гарантированную правлением принцепса. Ее культовое почитание нашло отражение в нумизматике [20; 21; 22, с. 217–281]. В официальной идеологии появился тезис о том, что цель принцепса — правление во имя общего блага и что боги, поставившие императора у власти, будут охранять его до тех пор, пока он будет заботиться о гражданах (*Plin. Pan.* 67, *Epist.* X. 35; *Dio Chrys. Or.* I. 12–13, 45–46, II. 65; *Aur. Vict. De Caes.* XIII. 9). В эту заботу (свободу) входило обеспечение императором политической стабильности, правопорядка и неприкосновенности частной собственности [23, с. 95]. В эпоху Домината, с абсолютизацией власти императора, безопасность становится ведущей индивидуальной и общественной ценностью.

Консервации римского представления о безопасности способствовало христианское учение, углубившее сакральную компоненту старых норм морали⁵. Беда Достопочтенный, употребивший новозаветное (1 Фес. 5:3) выражение «мир и безопасность» (*Hist. Eccl.* IV. 25), осознанно стал участником идеологической борьбы, зачинатели которой бросили вызов императорам-язычникам, утверждавшим, что они установили *pacem et securitatem* [24, с. 181]. Новый *dominus et deus* обитает не на земле, его Царство еще только должно появиться. Но он уже декларирует свою волю и «хранит избранных своих в полной безопасности» (*Julian of Norwich. Revelations of Divine love*, 37).

«Великая хартия вольностей» (§ 41–42) установила гарантии безопасности личности и имущества подданных английского короля и иностранных купцов⁶. В одном

² «Римляне, пожалуй, были единственным народом древности, который почитал свои духовные ценности как богов и строил им храмы» [10, с. 21].

³ О *fides* см.: [11]. О *pietas*: [12]. О *virtus*: [13; 14; 15]. О *libertas*: [16].

⁴ Наиболее точно суть этой подмены/подчинения уже относительно XIX в. отобразил Иеремия Бентам: «Из всех исчисленных целей закона безопасность есть единственная, которая необходимо обнимает будущее: средства к существованию, довольство, равенство могут быть рассматриваемы исключительно по отношению к данному только времени, безопасность же необходимо выражает собой распространение на будущее время всех тех благ, которых касается, следовательно, она есть первенствующий предмет закона. Может показаться странным, что мы не поместили свободу в числе главных целей закона. Для ясности понятий нам необходимо рассматривать ее как отрасль безопасности: личная свобода есть безопасность от известного рода обид, касающихся лица; что же касается политической свободы, то она составляет другую отрасль безопасности, она есть безопасность от несправедливостей со стороны правительственных лиц» [17, с. 323].

⁵ Павел Орозий, историк начала V в., вспоминая о своих скитаниях, рассуждает о том, что в христианские времена он всюду может чувствовать себя в безопасности. При этом он перечисляет все страны света, которые не только подчинены Римской империи и ее законам, но и единой религии. Безопасный римский мир становится для Орозия миром христианским (*Oros. V. 2*).

⁶ «*Omnes mercatores habeant salvum et securum exire de Anglia, et venire in Angliam, et morari, et ire per Angliam, tam per terram quam per aquam, ad emendum et vendendum, sine omnibus malis tollis,*

из документов, составленных в бурном 1264 г., выражение «*bona securitas*» используется в контексте надежности соглашений между Генрихом III и баронами (*Forma regiminis domini regis et regni*). В «Кенилуорзском приговоре» английский монарх предстает как государь, обязанный делать все возможное для безопасности королевства (§ 20)⁷. В парламентских приглашениях 1295 г. появляется формула, согласно которой магнаты собирались для обсуждения мер против общих опасностей (*sic et nimis evidenter ut communibus periculis per remedia provisiva communiter obvietur*). Автор политических трактатов, юрист XV в. Джон Фортескью указал на связь безопасности короля с его честью и благосостоянием сословий [25, р. 140]. В знаменитой речи Елизаветы I перед ополчением в Тилбёри 1588 г. этот тезис дополняется мыслью о том, что власть и безопасность короны держится на верности и доброй воле подданных [26, р. 325–326].

Члены Лондонского антикварного общества начала XVII в. выдвигали идею «Английской империи». Их «империя» была полноценным образованием, не производным от Римского государства, а равнозначным ему [27, с. 522]. Однако декларируемая независимость не исключала характерные заимствования в сфере символики и лозунгов. В 1693 г. при Вильгельме III Оранском была выпущена медаль с надписью «*SECURITAS PUBLICA, ET FELIX TEMPORUM REPARATIO*» [28, р. 26]. Здесь очевидно влияние медальонов и монет римского времени [29, р. 143; 30, с. 37; 31, с. 73]. При том же правителе был возведен известный Гринвичский военно-морской госпиталь, во внутреннем оформлении которого присутствуют множество надписей, среди прочих — «*Anglorum spes magna — salus publica — securitas publica*» [32, р. 168; 33, с. 356].

Одной из дискуссионных тем в общественно-политической мысли Англии постреставрационного периода стало сравнение монархической и республиканской форм правления [34, с. 69]. Сторонники обеих концепций в ходе полемики оперировали примерами из греко-римской истории. Роялист Роберт Фильмер видел в гражданских войнах I в. до н.э. издержки демократического режима. Автор «Патриарха» считал ничем неограниченную свободу небезопасным фактором для развития любого общества [36, р. 77, 79]. Олджернон Сидней доказывал, что упадок Рима был вызван переходом власти от народа в руки принцепса. Он, как сторонник парламента, связывал военные неудачи римлян с утратой свободы [37, р. 109]. Империя, с присущим ей гражданским неравенством, не могла стать моделью социально-стабильного государственного устройства [37, р. 153]. В данном ракурсе небезынтересно сопоставление правления цезарей и самодержавия Тюдоров, исполненное викторианским политиком Томасом Маколеем.

per antiquas et rectas consuetudines, preterquam in tempore gwerre, et si sint de terra contra nos gwerrina; et si tales inveniantur in terra nostra in principio gwerre, attachientur sine dampno corporum et rerum, donec sciatur a nobis vel capitali iusticiario nostro quomodo mercatores terre nostre tractentur, qui tunc inveniantur in terra contra nos gwerrina; et si nostri salvi sint ibi, alii salvi sint in terra nostra. Liceat unicuique decetero exire de regno nostro, et redire, salvo et secure, per terram et per aquam, salva fide nostra, nisi tempore gwerre per aliquod breve tempus, propter communem utilitatem regni, exceptis imprisonatis et utlagatis secundum legem regni, et gente de terra contra nos gwerrina, et mercatoribus, de quibus fiat sicut predictum est».

⁷ Джон Лильберн, цитируя «Собрание парламентских ремонстраций, деклараций и пр.», изданное по специальному распоряжению палаты общин 24 марта 1645 г., замечает: «В самом деле, нельзя предполагать, что парламент когда-нибудь наделил короля правом командовать войском против себя самого или против государства, ибо он наделяет короля этим полномочием для своей безопасности». Сам Лильберн широко толковал рассматриваемое понятие, вкладывая в него целый спектр позиций и не всегда связывал *security* с интересами представительного органа. Он писал о безопасности судебной власти, торговли и промышленности, социальных ценностей, республиканской формы правления [35, с. 35, 49, 55, 71, 72, 98, 106, 113, 119].

Ключевым отличием этих двух режимов (эпох) он считал безопасное существование английских подданных, ведь Тюдоры при всех титулах и формах монархической супрематии были своего рода «народными магистратами, не способными защищать себя от ненависти общества и вынужденными искать его милости» [38, с. 95]⁸. Думается, что в этом высказывании лидера вигов кристаллизовался принцип взаимоотношений суверена и народа, характерный для парламентской монархии и окончательно решивший многолетний спор сторонников абсолютизма и республиканизма. Остановившись на «золотой середине» парламентаризма, Британия нашла свою «безопасную гавань».

Широкое распространение в научных и политических кругах западноевропейских государств понятие «безопасность» приобретает благодаря философским концепциям, появившимся в Новое время. Томас Гоббс считал целью любого государства обеспечение безопасности народа [39, с. 6]. Джон Локк связывал понятие безопасности с законами природы, установленными богом [40, с. 266]. Теоретик политического либерализма Иеремия Бентам выделил категорию преступлений против внешней безопасности государства [41, с. 265]. Известный мыслитель и экономист викторианской Англии Джон Стюарт Милль видел в гарантиях безопасности залог социального прогресса [42, с. 26].

Почти три века (примерно с 1650 по 1920 г.) Великобритания располагала своей собственной, специфичной системой национальной безопасности — политикой открытого моря (*blue-water policy*) [43, p. 33]. Бенно Тешке объясняет ее появление правом парламента определять британскую внешнюю политику. Установка Британии по отношению к Европе основывалась на разведении внешней политики и династических интересов [44, с. 367]. Парламентская Британия, так или иначе, стремилась поддерживать равновесие европейской системы: останавливала военные действия, как только более слабый союзник набирал силу, и тем самым препятствовала уничтожению общего врага. К концу XVIII в. выполняемое Британией, исключительно в интересах собственной нации, уравнивание работало на общий порядок и безопасность. Господствуя на море⁹ и сдерживая амбиции континентальных держав, Англия в основных чертах повторила путь Римской империи. Политика обоих государств в контролируемых водах (*mare nostrum*) была ориентирована всецело на поддержание торговли. Принцип «*divide et impera*» (*divide and rule*) играл важную роль в колониальной стратегии и дипломатии «коварного Альбиона».

С поисками *securitas publica* внутри самого британского общества, особенно в викторианскую эпоху — ключевой период его развития, дело обстоит значительно сложнее. Нетрудно найти общие элементы, связывающие Британскую и Римскую империи во внешней политике; и доказательства сходства структурного устройства общества оказываются важными для вечных поисков истоков западноевропейской демократии. Ведь гипотеза о том, что древнеримский принцип охраны общественного правопорядка от беззакония передался по наследству через века современной демократии, выглядит стройной и как бы очевидно убедительной. Есть ли тому прямые доказательства?

⁸ Характеризуя государственный строй средневековой Англии, Маколей писал: «Пока правление для большинства оставалось достаточно мягким и народ жил в довольстве и безопасности, королю в какой-то мере позволяли превышать свои права и даже одобряли его, если это происходило ради понятных всем благих целей» [38, с. 28].

⁹ Шотландский философ и историк XVIII в. Дэвид Юм небезосновательно считал, что лишь благодаря своему флоту Англия находилась в полной безопасности [47, с. 22, 197]. В начале XX в. первый лорд адмиралтейства У.Л. Спенсер-Черчилль придерживался той же точки зрения [48, с. 91–93].

Аналогичный римскому термин «public security» встречается в XVIII–XIX вв. в самых разных контекстах. В 1796 г. в «Трактате о поддержании общественного порядка в Лондоне» [45] это понятие используется как усиливающее дополнение к охране частной и общественной собственности. Кроме того, во введении используется также термин «безопасность столицы» (*security of the Metropolis*) в качестве синонима слова «правопорядок». Параллели с древнеримской свободой от страха перед насилием внутри общества здесь очевидны. Однако, например, в прессе первой половины XIX в. четкой смысловой нагрузки он не имеет, часто сильно завися от контекста, в котором используется. В США в XIX в. также шло активное осмысление понятия и его применения, что видно из работы Катерины Генри «Либерализм и культура безопасности» [46]. Правда, главный упор автор делает на противоречии личной и общественной безопасности, их демаркации и мотивационной риторики со стороны государственных и общественных структур.

Серьезная деформация представлений произошла в кризисные для Великобритании 1870-е годы. В 1873 г. началась «великая депрессия», длительный экономический спад, спровоцировавший пересмотр викторианских ценностей. Спустя три года в 1876 г. королева Виктория получила титул императрицы Индии, таким образом, слово империя впервые появилось в «связке» с британскими правящими кругами. Ведущий либеральный политик и идеолог поздневикторианской Англии Чарльз Дилк в серии работ («Проблемы Великобритании» 1890 г., «Имперская защита» 1892 г.) сформулировал новое представление о безопасности, включив ее в свою концепцию защиты границ Британской империи. Видимо, именно в его работах кристаллизовалось и реинкарнировалось понятие об общественной безопасности, приблизившись к образцу времен императорского Рима. Именно с его работ слово «безопасность» вошло в долговременную моду, в его трудах оно используется крайне часто. Кроме того, Дилк был одним из предтеч глобализации, а принцип безопасности считал важнейшим критерием отличия цивилизованных государств и обществ (т. е. с которыми можно «дружить» и торговать) от нецивилизованных и не вписывающихся в имперский стандарт. «В цивилизованной и дружественной стране предприниматель получит ту же безопасность личности и собственности, которая у него есть дома» [49, p. 5]. И именно защиту ценностей британского общества и империи он считал важнейшей задачей будущего. От расширения и роста Британия должна перейти к укреплению внутренней безопасности, чтобы не повторить ошибки Рима.

К началу XX в. «security» стала рассматриваться как естественное производное от эффекта изолированности (*effects of insularity*), залог устойчивого развития английской нации [50, p. 5]. Потеря ощущения защищенности после известий о создании в Германии воздушного флота графа Цеппелина и страх перед высадками на восточном побережье привели к резкому усилению в обществе алармистских настроений. Большую роль стал играть совет по обороне, который чем-то даже напоминал *consilium principis* имперского Рима. А сосредоточением надежд на сохранение национальной безопасности стал Горацио Китченер, фигуре которого в предвоенной Англии в прессе предавались черты римских императоров и исподволь формировался культ его личности. Создание в 1909 г. MI5 (*The security service*) во главе с Верноном Келлом — специального государственного органа, где термин «*securitas publica*» воплотился в конкретную аппаратную форму, завершило долгий процесс, после которого слово «безопасность» прочно вошло в лексикон не только Англии, но всей Европы, приобретая иногда весьма зловещие значения.

Сформированная в историческом прошлом Рима идея объединения европейских стран во имя общих интересов и безопасности [51, p. 48; 52, p. 263, 268, 269] не только начала претворяться в жизнь, но уже имеет определенные реальные очертания. Интеграционные процессы в Европе начались с осознания общности проблем безопасности перед лицом внешних и внутренних угроз. Британская политическая элита конца XX — начала XXI в. внесла свою лепту в процессы построения единой системы безопасности Европейского союза и международного урегулирования: Тони Блэр стал специальным уполномоченным «Ближневосточного квартета»; Гордон Браун предложил «новый глобальный курс», объединивший национальную безопасность и социальную справедливость; Дэвид Кэмерон выдвинул принципы кибербезопасности.

Источники и литература

1. *Hammer W.* The Concept of the New or Second Rome in the Middle Ages // *Speculum*. 1944. Vol. 19, N 1. P. 50–62.
2. *Wolfram H.* Die Goten: von den Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. Entwurf einer historischen Ethnographie. München: C. H. Beck Verlag, 2001. 596 s.
3. *Folz R.* The coronation of Charlemagne, 25 December 800. London: Routledge & K. Paul, 1974. 266 p.
4. *Weinfurter S.* Das Reich im Mittelalter: kleine deutsche Geschichte von 500 bis 1500. München: C. H. Beck Verlag, 2008. 320 S.
5. *Carrington C. E., Hampden Jackson J.* A History of England. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 852 p.
6. *Шкаренков П. П.* Королевская власть в Остготской Италии по «Variae» Кассиодора. Миф, образ, реальность. М.: РГГУ, 2003. 140 с.
7. *Ли Б. А.* Альфред Великий, глашатай правды, создатель Англии. 848–899 гг. / пер. З. Ю. Метлицкой. СПб.: Евразия, 2006. 384 с.
8. *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства / пер. В. П. Гайдука. М.: Прогресс, 1987. 384 с.
9. *Калмыкова Е. В.* Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М.: Квадрига, 2010. 660 с.
10. *Брейкин О. В.* Мораль древнего Рима (VIII–I вв. до н.э.). Саранск: Изд-во Мордовск. ун-та, 1992. 107 с.
11. *Freyburger G.* Fides. Étude sémantique et religieuse depuis les origines jusqu'à l'époque augustéenne. Paris: Les Belles Lettres, 1986. 361 p.
12. *Wagenvoort H.* Pietas: Selected studies in Roman religion. Leiden: Brill, 1980. 264 p.
13. *Earl D.* The Moral and Political Tradition of Rome. London: Thames & Hudson, 1970. 167 p.
14. *Eisenhut W.* Virtus Romana. Ihre Stellung im römischen Wertsystem. München: W. Fink, 1973. 247 s.
15. *Sarsila J.* Some aspects of the concept of virtus in roman literature until Livy. Jyväskylä: University of Jyväskylä, 1982. 148 p.
16. *Wirszubski Ch.* Libertas as a political idea at Rome during the late Republic and early principate. Cambridge: Cambridge University Press, 1950. 182 p.
17. *Бентам И.* Основные начала гражданского кодекса / пер. А. Н. Неведомского // Бентам И. Избр. соч. Т. 1. СПб.: Русская книжная торговля, 1867. С. 317–470.
18. *Вержбицкий К. В.* Политические взгляды Тацита // История: мир прошлого в современном освещении: сб. науч. статей к 75-летию со дня рождения профессора Э. Д. Фролова / под ред. проф. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 337–349.
19. *Шюрбаум В.* Цицерон: De re publica // Res publica: история понятия: сб. статей / пер. О. В. Хархордин. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2009. С. 171–246.
20. *Ilberg J.* Securitas // Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Bd IV. Leipzig: B. G. Teubner Verlag, 1915. S. 595–597.
21. *Hartmann L. M.* Securitas // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Hb. 3. Rh. 2. Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlag, 1921. S. 1000–1003.
22. *Kneppe A.* Metus temporum: zur Bedeutung von Angst in Politik und Gesellschaft der römischen Kaiserzeit des 1. und 2. Jhdts. n. Chr. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1994. 410 s.
23. *Никишин В. О.* Императоры, граждане и подданные в эпоху принципата: идеал и реальность // Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти / отв. ред. Д. М. Бондаренко, А. А. Немировский. М.: Ин-т Африки РАН, 2008. С. 81–103.

24. *Boers H.* Christ in the Letters of Paul: in place of a Christology. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2006. 361 p.
25. *Fortescue J.* The Governance of England, otherwise Called the Difference between an Absolute and a Limited Monarchy / Ch. Plummer (ed.). Oxford: Clarendon Press, 1885. 387 p.
26. *Elizabeth I.* Collected Works / L. S. Marcus, J. Mueller, M. B. Rose (ed.). Chicago; London: Chicago University Press, 2000. 470 p.
27. *Паламарчук А. А.* Имперская идея английской монархии: осмысление властных традиций лондонскими антиквариями начала XVII в. // Власть, общество, индивид в средневековой Европе / отв. ред. Н. А. Хачатурян. М.: Наука, 2008. С. 519–526.
28. *Rapin-Thoyras, P. de.* The history of England. Vol. 3. London: Printed for John and Paul Knapton, 1744. 652 p.
29. *Mayor J. E. B.* Cambridge under Queen Anne: illustrated by memoir of Ambrose Bonwicke and diaries of Francis Burman and Zacharias Conrad von Uffenbach. Cambridge: Published for the Cambridge Antiquarian Society by Deighton, 1911. 545 p.
30. *Абрамзон М. Г.* Римская армия и ее лидер по данным нумизматики. Челябинск: ЧГУ, 1994. 269 с.
31. *Фролова Н. А.* Античные золотые монеты в собрании Государственного исторического музея (от античности до Византии). М.: РОССПЭН, 2010. 361 с.
32. *Armitage D.* The ideological origins of the British Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 258 p.
33. *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника / изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л.: Наука, 1984. 716 с.
34. *Эрлихсон И. М.* Английская общественная мысль второй половины XVII века. М.: Научная книга, 2007. 208 с.
35. *Лильберн Д.* Pamфлеты / ред. В. Ф. Семенов. М.: Соцэкгиз, 1937. 120 с.
36. *Filmer R.* Patriarcha, or the Natural Power of Kings. London: Printed for R. Chiswel, W. Hensman, M. Gilliflower, and G. Wells, 1685. 178 p.
37. *Sidney A.* Discourses Concerning Government. London: Printed by J. Darby, 1704. 490 p.
38. *Маколей Т. Б.* Англия и Европа. Избранные эссе / пер. Д. В. Соловьева. СПб.: Алетейя, 2001. 502 с.
39. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. А. Гутермана // Гоббс Т. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 3–545.
40. *Локк Дж.* Два трактата о правлении / пер. Е. С. Лагутина и Ю. В. Семенова // Локк Дж. Соч.: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 135–405.
41. *Бентам И.* Введение в основание нравственности и законодательства / пер. А. Н. Пыпина // Бентам И. Избр. соч. Т. 1. СПб.: Русская книжная торговля, 1867. С. 1–315.
42. *Милль Дж. Ст.* Рассуждения о представительном правлении. Челябинск: Социум, 2006. 384 с.
43. *Vaugh D. A.* Great Britain's 'Blue-Water' Policy, 1689–1815 // International History Review. 1988. Vol. 10, N 1. P. 33–58.
44. *Тешке Б.* Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений / пер. Д. Кралечкина. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2011. 416 с.
45. *Colquhoun P.* A treatise on the police of London; containing a detail of the various crimes and misdemeanors by which public and private property and security are, at present, injured and endangered: and suggesting remedies for their prevention. Philadelphia: Printed for Benjamin Davies, 1798. 342 p.
46. *Henry K.* Liberalism and the Culture of Security: The Nineteenth-Century Rhetoric of Reform. Tuscaloosa, AL: University of Alabama Press, 2011. 232 p.
47. *Юм Д.* Англия под властью дома Стюартов. Т. 1 / пер. А. А. Васильева. СПб.: Алетейя, 2001. 563 с.
48. *Черчилль У.* Никогда не сдаваться! Лучшие речи Черчилля / пер. С. Чернин. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 660 с.
49. *Dilke C., Wilkinson S.* Imperial Defence. London: Macmillan and Company, 1892. 234 p.
50. *Perris H. S.* Pax britannica: a study of the history of British pacification. London; Toronto: Macmillan and Company, 1913. 319 p.
51. *Wintersteiner W., Spajić-Vrkaš V., Teutsch R.* Peace education in Europe: visions and experiences. München; Berlin: Waxmann Verlag, 2003. 356 p.
52. *Brauch H. G., Mesjasz C., Spring U. O.* Globalization and Environmental Challenges: Reconceptualizing Security in the 21st Century. Berlin; Heidelberg; New York: Springer, 2008. 1148 p.

Статья поступила в редакцию 20 мая 2014 г.